Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 182–188, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-182-188
Journal homepage: http://kigiran.com/pubs/vestnik

UDC 811.512.37

Socio-Cultural Basis for Euphemisms in the "Language of Kalmyk Women"

Grenada S. Bitkeeva [1]

[1] Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Associate Professor, Deparment of German Philology, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: bipetr@yandex.ru.

Abstract

Euphemisms in the "language of Kalmyk women", occurring due to taboos on mentioning the names of elder relatives of the husband, are an important aspect of Kalmyk women's conversational etiquette and have a certain impact on the functions and development of the language. Such euphemisms are part of the whole system of ethical behavioral norms for Kalmyk women. The research results show that they have been created with due regard to the social and cultural conditions characteristic of the Kalmyks' nomadic mode of life. Euphemisms are, like the system of ethical behavioral norms for women in general, supposed to strengthen the most important part of society – the family with the housewife / wife being its central figure, and tend to serve as means of fostering children, the future generations of the family and society.

The paper presents a short critical review of the conducted research that dealt with euphemisms in the "language of Kalmyk women". The first part of the review presents an analysis of a strictly linguistic aspect of the issue. The examples and their description show that those euphemisms, their structure and the way they form constitute a broad functional sphere in Kalmyk speech. This is the absolute character of the taboos on names that give rise to euphemisms, namely the names of older relatives are subjects to permanent taboos. Firstly, it does not matter whether the person the mention of whose name is tabooed is present or not at the moment of a woman's speech. According to the second rule, taboos are applied not only to the names of living elder relatives of the husband but also those who had passed away long time ago, down to the tenth generation. Thirdly, the names of complete strangers are tabooed if those are identical to or resemble the names of the husband's elder relatives. Fourthly, since many Kalmyk names comprise common words denoting household items, plants, minerals, the latter take a wide range of forms.

The second part of the paper presents quotations that illustrate different opinions regarding the social and cultural judgments of euphemisms. Some respondents characterize euphemisms as a means to subjugate women designating them as vestiges of the past. The respondents are public persons. There is also a presentation of opinions regarding moral and ethical behavioral norms for women, traditional behavior for men and women in daily life, e.g. during dancing events and outdoor meetings. Those characterize people's behavior in personal daily and social life that used to (and still do) take forms of high culture.

The critical analysis of the existing research studies as well as the independent research of definite materials allow to conclude that euphemisms in the "language of Kalmyk women" are a cultural phenomenon and constitute a part of the system of ethical behavioral norms for Kalmyk women.

Keywords: taboo, euphemisms, conversational etiquette, wife, family, future society.

Явление табу и образование на этой основе эвфемизмов характерны практически для всех народов, но в разной степени, в зависимости от социальных причин их возникновения в каждом конкретном случае. Во многих национальных культурах всегда существовали различные запреты, регламентировавшие деятельность людей в быту или конкретной сфере деятельности. Иногда они приобретали формы законов в общенародном масштабе, что совершенно естественно, ибо никакое общество не может обходиться без определенных прав и обязанностей, продиктованных жизненными условиями и интересами общества, и соответственно правил поведения их членов, предусматривавших и некоторые ограничения. Это относится, в частности, к словесным запретам, образованию на этой основе эвфемизмов в речевом этикете женщин-калмычек.

Классическим образцом такого эвфемизма послужило зафиксированное академиком В. Л. Котвичем в 1896 г. следующее информационное сообщение: *Урсхлын телтрт, урһмлын йозурт уульха маальхаг жомнлҗ*, букв. ‘По ту сторону текущего, под растущим воющий съел блеющего целиком’ [Котвич 1972: 22]. Этот текст в обычной калмыцкой речи должен был бы иметь следующую форму: *Һолын телтрт, модна йозурт чон хөвг идчкҗ* ‘На той стороне реки, под деревом волк съел овцу целиком’. В этом маленьком тексте, состоящем из семи слов, в прямом лексическом значении употреблены лишь два слова — *телтрт* ‘находящийся на той стороне’ и *йозурт* ‘у основания, корня’, а в данном случае — ‘под растущим’. Остальные пять слов заменены: *урсхлын* ‘текущего’ вм. *һолын* ‘реки’, *урһмлын* ‘растения’ вм. *модна* ‘дерева’, *уульха* ‘воющий’ вм. *чон* ‘волк’, *маальхаг* ‘блеющего’ вм. *хөвг* ‘овцу’, *җомнлҗ* ‘съел целиком’ вм. *идчкҗ* ‘съел’. Все эти слова представляют собой эвфемизмы, использованные для замены тех слов, произношение которых было запрещено для калмычки по законам калмыцкого общества того времени, поскольку они или совпадали, или были созвучны с именами старших родственников ее мужа.

В этой связи В. Л. Котвич отмечал: «Настоящая загадка первоначально представляла собою сообщение о заурядном явлении, получившем загадочный смысл, вследствие того, что для нее оказались запретными все имена нарицательные, которых касалось сообщение: *усн* ‘вода’, *модн* ‘дерево’, *чон* ‘волк’, *хөн* ‘овца’ [Котвич 1972: 22].

К этой теме обращались позже и другие исследователи. Так, в 1909 г. известный ученый Н. Очиров зафиксировал 48 калмыцких собственных имен с их вариантами женского произношения без каких-либо комментариев и пояснений [Очиров 1910: 73–74]. Г. Й. Рамстедт отразил в своем «Калмыцко-немецком словаре» женские слова калмычек и сделал по ним некоторые обобщения в своем фундаментальном труде, посвященном проблемам алтаистики [Ramstedt 1935]. «Эти социальные нравы оказываются, — подчеркивал исследователь, — немаловажными для изучения истории формирования языка, ибо только благодаря знакомству с ними могут быть объяснены некоторые фонетические явления в языке» [Рамстедт 1957: 221]. Свое обобщение автор снабдил конкретными примерами [Рамстедт 1957: 221].

По материалам словаря Г. Й. Рамстедта П. Аалто написал специальную статью «О языке калмыцких женщин». Анализируя женскую лексику в калмыцком языке, он установил, что наряду с заменой табуируемого слова синонимом и передачей слова путем изменения начального согласного на *й*, есть еще способ образования эвфемизмов с помощью иносказательных выражений. Ссылаясь на Гроотаера, автор статьи утверждает, что «женский язык в других монгольских языках в целом носит такие же черты, как и в калмыцком языке» [Aalto 1961: 231].

Факт модификации произношения слов под влиянием табу еще раньше отмечал академик Б. Я. Владимирцов: «Вследствие табу сокращаются собственные имена, а также названия чинов и должностей; замечается также искажение начального слога вместо сокращения, напр., халх. *да* вм. *дарга* ‘старшина, председатель’, *го-сайд* вм. *Гончик–саед* ‘сановник Гончик’, *Енхер* вм. *Ценхер* ‘Ценкер — название местности’[1] [Владимирцов 1929: 420]. Кроме того, упоминание об эвфемизмах в калмыцком языке появляется и в работах по лингвистике последних лет [Монраев 2007].

Результаты исследований, проведенных автором настоящих строк, показали, что образование на основе табу личных имен

[1] Написания даны без диакритических знаков.

эвфемизмов, получивших название «язык женщин-калмычек», охватывает обширное поле функционирования языка, в первую очередь лексики. Это обусловлено, во-первых, тем, что женщины-калмычки табуировали имена всех старших родственников мужа, всех здравствовавших, а также тех, кого уже давно не было в живых, вплоть до десятого колена. Во-вторых, женщины табуировали имена старших родственников мужа везде и всегда, независимо от присутствия или отсутствия родственников — носителей имен в момент ее речи. В-третьих, они табуировали имена и совершенно незнакомых, чужих людей, если те совпадали или были только созвучны с именами старших родственников мужа. В-четвертых, как ни парадоксально, женщины табуировали самые обыкновенные слова, например, названия многих животных, домашней утвари, названия частей тела человека и животных, слова, обозначающие действия, признаки, цветовые наименования и др., если они совпадали или были только созвучны с табуируемыми именами. Следовательно, объем табуируемой женщинами-калмычками лексики был весьма велик, поскольку личные имена у калмыков очень часто образуются от самых различных слов.

Для наглядности приведем некоторые варианты табуирования слов, первый компонент которых совпадает с именем Хар (от слова *хар* ‘черный’). Отметим при этом, что калмыцких имен, которые начинаются со слова *хар* — немало, например, Хара, Харда, Харлу, Хар Көвүн, Хар Күүкн и др. Здесь приводятся только несколько вариантов из более чем шестидесяти эвфемизмов, которые образуются на основе слов, начинающихся с рассматриваемого слова. Примеры: *хар* ‘черный’ — *баран* ‘темный’; *хар цә* ‘черный чай, чай без молока’ — *үсн уга цә* ‘чай без молока’; *хар маңһд* ‘ногайцы’ — *маңһд* ‘татары’; *хар күн* ‘простолюдин’ — *эгл күн* ‘простой, рядовой человек’; *хар санан* ‘злой умысел’ — *буру седкл* ‘неверные помыслы’; *хар көдлмш* ‘физический труд’ — *йирин көдлмш* ‘простая работа’; *хар өрлә* ‘рано утром’ — *өрүн өрлә* ‘раннее утро’; *хар нетрүсн* ‘тьма’ — *нетрүсн*; *харул* ‘караул’ — *манач* ‘сторож’; *хармч* ‘скупой, жадный’ — *генәртә* ‘прижимистый’; *харҗ* ‘глубоководное место’ — *гүн усн* ‘глубокая вода’; *харш болх* ‘препятствовать’ — *саад болх* ‘создавать препятствие’; *харһх* ‘встречаться’ — *үзлцх* ‘встретиться’; *харх* ‘смотреть, присматривать’ — *хәләх* ‘смотреть, всматриваться’; *харвх* ‘стрелять из лука’ — *хах* ‘стрелять’; *харһнх* ‘голодать, быть голодным’ — *өлсх* ‘быть голодным, голодать’; *хардах* ‘топорщиться, торчать’ — *дардах* ‘торчать во все стороны’; *харҗңнх* ‘трещать, греметь’ — *тарҗңнх* ‘трещать’; *харцх* ‘ястреб’ — *бүргд* ‘беркут’; *харсх* ‘защищать’ — *аврх* ‘спасать’.

Совершенно очевидно, что эвфемизмы «языка женщин-калмычек» невозможно в полной мере понять вне их связи с другими аспектами этических норм поведения женщин-калмычек, к числу которых относятся, безусловно, их взаимоотношения с разными по полу и возрасту членами семьи, знакомыми и совсем незнакомыми людьми в обществе. В этом отношении представляют интерес зафиксированные исследователями быта нормы поведения женщин-калмычек.

Так, табуирование невесткой имен старших родственников мужа известный историк-этнограф У. Э. Эрдниев квалифицировал как остаточное от патриархальных устоев и традиций явление [Эрдниев 1970: 183–194]. А. М. Амур-Санан в своем романе «Мудрешкин сын» охарактеризовал «язык женщин-калмычек» только как зло, порожденное социальным неравенством женщины, ее закабаленным положением в семье и обществе. «На другой день замужества, — писал он, — калмычка, под страхом тягчайшего наказания в загробном мире и сурового общественного осуждения в этом, теряет право произносить имена всех старших в роду ее мужа. Сюда входят: отец и мать мужа, все деды, прадеды и вообще все дяди, тетки, старшие братья, их жены, сестры и их мужья. Все эти старшие в роду определяются теперь для нее одним понятием — «хадма», что есть «почтительное иносказание» [Амур-Санан 1966: 66]. Писатель считал, что при табуировании имен дело доходит иногда до парадокса: «Однажды, угощая, по обычаю, с пением, гостей водкой, она должна была обойти слово «гусь». Что же у нее получилось? Птица, которая носит имя зятя старшего брата» [Амур-Санан 1966: 67].

Врач У. Д. Душан считал, что калмыки традиционно имеют плохое мнение о женщине. Он полагал, что этим обусловлено ее не равное с мужчиной положение. При этом он указывал на обычаи, которые, по его мнению, только унижают женщину, в частности, «хадым», к которому он относил и «язык женщин-калмычек»: «К числу

вредных обычаев мы можем отнести обычай «хадым». По этому обычаю женщины не должны показывать своих ног, голову старшим родственникам со стороны мужа, а также называть имена не только живых, но даже давно умерших» [Душан 1976: 8].

В данном случае не приходится удивляться столь категоричным негативным оценкам, поскольку во времена, когда жили и писали упомянутые труды А. М. Амур-Санан и У. Д. Душан (1920–1930-е гг.), все, что относилось к явлениям прошлого, особенно к традициям и культуре народов, подлежало резкой критике и искоренению из жизни общества. Кроме того, авторы этих высказываний не были профессиональными учеными: А. М. Амур-Санан был общественным и государственным деятелем, писателем, У. Д. Душан — известным врачом и общественным деятелем.

Однако были и другие высказывания в отношении этических норм поведения женщин-калмычек, включая и эвфемизмы. Особого внимания заслуживают зафиксированные исследователем быта калмыков П. Небольсиным правила, накладывавшие определенные ограничения в поведение женщин-калмычек: «Женщина не должна осмелиться перешагнуть через мужские ноги, через ногайку, укрюк, винтовку или подолом задеть их, или блюда с яствами и чашку с питьем, женщина не смеет самовольно сесть при старших родственниках. Она не должна дозволять начать разговор без их к тому приглашения. Она никогда и ни перед кем не должна сидеть в фамильярном положении, подвернув обе ноги под себя калачиком» [Небольсин 1852: 218–219]. Однако он же отмечал, что у калмыков «женщина имеет человеческое, а не рабское значение», в подтверждение чего он привел ряд правил, характеризующих отношение мужчин к женщине: «Женщина имеет свои особые преимущества. Она полная хозяйка дома, все, что выходит из круга домашних забот и домашнего обихода, должен для женщины приготовить мужчина. Мужчина, хотя бы это был сам владелец, заметив, что встретившаяся ему женщина хочет сойти с коня, должен сам спешиться и помочь ей соскочить с седла» [Небольсин 1852: 117].

Не менее показательные проявления почтительного отношения мужчин к женщинам видны из описанных исследователем правил взаимного обращения во время народных танцев. «Мужчина, приглашая женщину к танцам, — писал он, — должен стать перед нею на колени, приложить руку ко лбу и потом слегка коснуться колена, своей дамы; женщина же, приглашая к танцам мужчину, только нагибается пред ним и касается рукой до его плеча» [Небольсин 1852: 118]. Интересен в этом отношении и характер выражения благодарности женщинами и мужчинами. Замужняя женщина благодарит мужчину, проводя правой рукой по челу, в котором запрятана ее правая коса; девушка благодарит его безмолвно, только глазами; мужчина же, в ответ женщине, должен отдать ей честь, сложив большой палец правой руки с указательным, приложив ко лбу» [Небольсин 1852: 116]. При этом исследователь быта калмыков середины XIX в. поясняет далее, что «проявление самодурства у отдельных калмыков по отношению к своей жене не является показателем, а скорее исключением, которое свойственно и другим народам» [Небольсин 1852: 116].

Известный калмыцкий писатель и поэт К. Э. Эрендженов в своей книге «Родник мудрости» писал, что калмыцкий народ издревле соблюдал прекрасную традицию, согласно которой старших по возрасту, пожилых принято было почитать и во всем им уступать. И вместе с тем писатель констатирует уважение и почтение, проявляемое всеми по отношению, например, к беременной женщине: «Убеленный сединой старец, увидев идущую по поперечной дороге беременную женщину, должен был остановиться и пропустить женщину, и только после того, как пройдет женщина, мог продолжить путь» [Эрендженов 1980: 177].

Можно было бы привести немало аналогичных примеров из истории монгольских народов, когда женщина, пользуясь определенными правами, играла заметную, а иногда и выдающуюся роль не только в семье, но и в масштабе владения или страны в целом. Это также свидетельствует, хотя и косвенно, о том, что табуирование женщиной личных имен старших родственников мужа трудно связывать с ее, как утверждали некоторые авторы, «порабощенным» положением в семье.

Результаты проведенных исследований позволяют сделать следующие выводы:

1. Эвфемизмы, получившие название «язык женщин-калмычек», представляют собой важнейшую составную часть целостной системы этических норм поведения женщин-калмычек. Эти эвфемизмы взаи-

мосвязаны также с социально-культурными, этническими, исторически сложившимися традициями, а также с условиями кочевой жизни и быта калмыков того времени.

2. Эвфемизмы «язык женщин-калмычек» построены на основе национальных и общечеловеческих культурно-исторических ценностей, на принципах взаимоотношения людей в семье и обществе по родственным, половозрастным признакам, характерны для абсолютного большинства народов мира. Аналогичные явления свойственны любому языку, например, обращение к родителям, прародителям и старшим родственникам путем использования назывных имен, а также обращение к старшим на «Вы».

Эвфемизмы «язык женщин-калмычек» построены по тем же моделям и принципам, но представляют собой очень расширенный вариант тех же этических норм уважительных отношений к родственникам.

3. Самым важным в данном случае является вопрос о причине введения явления табу и образования эвфемизмов «язык женщин-калмычек» для использования в сфере речевого общения. Основной целью была, на мой взгляд, необходимость укрепления государства путем сплочения общества на фундаментальных принципах. Важнейшим звеном любого общества является, как известно, семья. Перед обществом остро стоял вопрос о необходимости укрепления семьи, а главной фигурой в семье была жена — хозяйка дома. От нее зависели жизнь и будущее семьи, включая, естественно, и воспитание детей — будущего поколения. Поэтому нужна была соответствующая идеология и конкретные шаги по ее реализации. Целям укрепления семьи и общества, подготовки и воспитания физически и морально здоровых людей будущего были подчинены и другие прогрессивные обычаи и традиции, в частности, помолвки в отношении детей еще в раннем их возрасте, бракосочетание молодых людей по достижении ими зрелого возраста (13–14 лет) и др.

4. В основу идеологии взаимоотношения людей в семье и обществе был положен принцип уважительного почтительного отношения к старшим родственникам мужа и его предкам до десятого колена. Поэтому девочек специально готовили к будущей семейной жизни, а это поведение женщин и на уровне языкового общения с родственниками и людьми разного возраста и пола, к которым относятся и формы общения, получившие название «язык женщин-калмычек».

Литература

Амур-Санан А. М. Мудрешкин сын. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 387 с.

Биткеева Г. С. Лингвистические и социокультурные основы возникновения и функционирования эвфемизма «язык женщин–калмычек» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 1. Ростов-на-Дону, 2010. С. 79–85.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л.: Изд-во Ленинградского Восточного ин-та им. Енукидзе, 1929. 433 с.

Душан У. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. № 1. Элиста, 1976. С. 5–89.

Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста: КНИИЯЛИ, 1972. 72 с.

Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста: НПП «Джангар», 2007. 184 с.

Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 190 с.

Очиров Н. Отчет о поездке к астраханским калмыкам летом 1909 г. // Известия комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1910. № 10.

Рамстедт Г. Й. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М.: Изд-во иностр. литры, 1957. 254 с.

Эрдниев У. Э. Калмыки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 311 с.

Эренджженов К. Э. Цецн булг. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 190 с.

Aalto P. Über die Kalmükische Frauensprache // Studia Mongolica. T. 2, Fasc. 1–16. Ulan-Bator, 1961. S. 229–233.

Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.

References

Amur-Sanan A. M. *Mudreshkin syn. Izbrannoe* [Mudreshka's Son. Selected works]. Moscow, Sovetskiy Pisatel Publ., 1966. 456 p. (In Russ.).

Bitkeeva G. S. *Lingvisticheskie i sotsiokul'turnye osnovy vozniknoveniya i funktsionirovaniya evfemizma «yazyk zhenshchin–kalmychek»* [Linguistic and socio-cultural grounds for the emergence and existence of the euphemism 'Kalmyk women's language']. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], No. 1, Rostov-on-Don, 2010, pp. 79–85 (In Russ.).

Vladimirtsov B. Ya. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i khalkhaskogo narechiya* [A comparative grammar of the written Mongolian language and the Khalkha dialect]. Leningrad, Enukidze Leningrad Oriental Institute Press, 1929, 436 p. (In Russ.).

Dushan U. *Obychai i obryady dorevolyutsionnoy Kalmykii* [Rituals and ceremonial in prerevolutionary Kalmykia]. *Etnograficheskiy sbornik* [Collected ethnographic works], No. 1, Elista, 1976, pp. 5–89 (In Russ.).

Kotvich V. L. *Kalmytskie zagadki i poslovitsy* [Kalmyk riddles and proverbs]. Elista, Kalm. Book Publ., 1972, 92 p. (In Russ.).

Monraev M. U. *Kalmytskie lichnye imena (semantika)* [Kalmyk names (semantics)]. Elista, Kalm. Book Publ., 2007, 224 p. (In Russ.)

Nebolsin P. *Ocherki byta kalmykov khosheutskogo ulusa* [Sketches of everyday life of the Kalmyks residing in Khosheutovsky District]. Saint Petersburg, Karl Kray Publ., 1852, 192 p. (In Russ.).

Ochirov N. *Otchet o poezdke k astrakhanskim kalmykam letom 1909 g.* [Report on the journey to Astrakhan Kalmyks in the summer of 1909]. *Izvestiya komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii* [Proceedings of the Committee for the Exploration of Central and Eastern Asia]. Saint Petersburg, 1910, No. 10, pp. 61–75 (In Russ.).

Ramstedt G. J. *Vvedenie v altayskoe yazykoznanie. Morfologiya* [An introduction to Altaic studies. Mythology]. Moscow, Foriegn Literat. Publ., 1957, 255 p. (In Russ.).

Erdniev U. E. *Kalmyki* [The Kalmyks]. Elista, Kalmizdat Publ., 1970, 307 p. (In Russ.).

Erendzhenov K. E. *Tsetsn bulg* [The Live Spring]. Elista, Kalm. Book Publ., 1980, 188 p. (In Russ.).

Aalto P. *Über die Kalmükische Frauensprache* [About the language of Kalmyk women]. Studia Mongolica. Vol. 2, Fasc. 1–16, Ulan-Bator, 1961, pp. 229–233 (In Germ.).

Ramstedt G. J. *Kalmückisches Wörterbuch* [A dictionary of the Kalmyk language]. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura Publ. (Finno-Ugric Society), 1935, 560 p. (In Germ. And Kalm.).

УДК 396

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ЭВФЕМИЗМА «ЯЗЫК ЖЕНЩИН-КАЛМЫЧЕК»

Гренада Сариевна Биткеева [1]

[1] кандидат филологических наук, доцент, кафедра германской филологии, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация). E-mail: bipetr37@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена слабо изученной проблеме, отражающей социально-культурную жизнь калмыцкого общества в прошлом, — эвфемизмам «язык женщин-калмычек». Их воспринимали как экзотическое явление в сфере калмыцкого быта. Немногочисленные научные исследования были направлены в первую очередь на исследование языкового аспекта этого интересного явления. Описаны некоторые способы образования эвфемизмов на основе табу личных имен старших родственников мужа. Отмечено, что такие эвфемизмы влияют на характер функционирования и развития языков, поскольку сфера действия табу личных имен старших родственников мужа распространяется не только имена здравствующих родственников, но и давно ушедших предков до десятого колена, что значительно расширяло поле распространения табу личных имен. Однако этим не ограничивалась сфера употребления эвфемизмов. Табуированию подлежали имена совершенно незнакомых чужих людей, если они совпадали или только были созвучны с табуируемыми именами родственников. Эта сфера неизмеримо увеличивалась из-за того, что приходилось табуировать самые обыкновенные слова, поскольку у калмыков часто в качестве имен использовались названия растений, животных, частей тела человека и др. В настоящей статье наряду с данными результатов исследования языкового аспекта эвфемизмов рассматривается его взаимосвязь с другими формами этикета поведения женщин-калмычек. Результаты проведенных исследований позволили автору статьи прийти к выводу, что эвфемизм «язык женщин-калмычек» представляет социально-культурное явление и составную часть системы этических норм поведения женщин-калмычек.

Ключевые слова: табу, эвфемизмы, речевые этикеты, жена, семья, будущее общества.